

К. Θ. РЫЛѢВЪ.

ДУМЫ *).

I.

Дмитрій Донской.

«Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

«Летимъ—и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда! за Донъ!.. настало время!
Надежда наша—Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамай сбросимъ съ плечъ!»

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
—Къ врагамъ! за Донъ! вскричали войски.
За вольность, правду и законы!—
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ ринулися въ Донъ.

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II стр. 524—526; изд. 1871 г. т. III, стр. 64—114, 485—525, 647, т. IV. стр. 80, 419, 562—571; изд. 1872 г. т. V. стр. 62—68, 270—282, 419—422.

Несутся полныя отваги,
 Волиъ упреждають быстрыйъ бѣгъ;
 Летять какъ соколы—и стаги
 Противный осѣнили брегъ.
 Мгновенно солнце озарило
 Равнины и брега рѣки,
 И взорамъ вдалекѣ открыло
 Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, доли, горы
 Толпами пестрыми кипятъ;
 Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
 Повсюду бердыши блестятъ.
 Идутъ, какъ мрачныя дубравы—
 И вторять степи гулъ глухой;
 Идутъ... тамъ ханъ, здѣсь чады славы—
 И закипѣлъ кровавый бой!..

«Богъ намъ прибѣжище и сила!
 Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ,
 Умремъ, когда судьба судила!»—
 И первый грянулъ на враговъ.
 Кровь хлынула—и тучи пыли,
 Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
 Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли,
 И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
 Зеленый побагровѣлъ доль:
 Тамъ русскій пораженъ врагами,
 Здѣсь палъ растоптанный монголь,
 Тутъ слышенъ копій трескъ и звукъ,
 Тамъ сокрушился мечъ о мечъ.
 Летять отсѣченныя руки,
 И головы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ гѣвню кургана,
 Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
 Лежить, низвергнувъ великана,
 Отважный инокъ Пересвѣтъ.
 Тамъ Вѣлозерскій князь и чада,
 Достойныя его любви,
 И окрестъ ихъ татаръ громада,
 Въ своей потопшая крови.

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
 Великодушный сонмъ рѣдѣлъ:
 Уже враги одолевали,
 Татаринъ дикій свирѣпѣлъ.

Къ концу влонился бой кровавый,
И черный стяг былъ пасть готовъ:
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы,
Волинскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались — отъ кургана
Промчалось: «Сидень русскій Богъ!» —
И побѣжала рать тирана,
И сокрушень гордмни роги!
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ!...

Но кто тамъ блѣдень, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... Первоначальникъ славы *),
Димитрій равень... страшный видъ!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенищему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофей брани,
Гласять: «Ты побѣдилъ! встань!» —
И Князь, воздѣвши къ небу длани:
— «Велкъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ! речеть, къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ;
Ему вся слава грозной битвы;
Онъ, онъ одинъ прославилъ насъ!»!

II.

Ворисъ Годуновъ.

Москва-рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ берегами;
Въ нее, гордась, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхимъ главами.
Умолекъ по улицамъ и вдоль береговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ: одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стенащій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещеть,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещеть.

*) Выраженіе лѣтописца.

Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало!...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши.
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему царевубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И трепету невольно предавъ онъ,
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достигъ пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
«О заблужденіе!» онъ возопилъ:
«Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ смогу непробуднымъ усыпить
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!

«Я мнилъ: взойду на тронъ— и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнуть торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и сѣла;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.

«Я мнилъ: народъ меня благословить,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю,— но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожить.

«Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачатся въ слѣдъ— и шепчеть мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступлений!..
— Ахъ! удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!—

«Взываю я,—но тщетны всѣ мольбы!
 Не отгону ужасной думы:
 Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
 И слышу сердца гласъ угрюмый.
 Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
 Терзай! Но я восторжествую,
 И смюю черное съ души пятно
 И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
 Не утомлюся отъ страданья,
 И буду царствовать до гроба я
 Для одного благодѣанья.
 Святою мудростью и правотой
 Свое правленіе прославлю,
 И прахъ несчастнаго почтить слезой
 Потомка позднiаго заставлю.

«О такъ! хоть стануть проклинать во мнѣ
 Убійцу отрока святова,
 Но не забудуть же въ родной странѣ
 И дѣлъ полезныхъ Годунова». —
 Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
 И вдругъ, на гласъ святой надежды,
 Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
 И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
 Переноса гоненья рока,
 Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
 И врагъ лишь одного порока.
 Скончался онъ — и тихо приняла
 Земля несчастнаго въ объятя —
 И загремѣли за его дѣла
 Благословенья и — проклятья!...

III.

Дмитрій Самозванецъ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?
 Дыбомъ черный волосъ всталъ?
 Онъ страшится мрака ночи;
 Зрю — сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!..
 Вотъ идетъ... стоитъ... трепещетъ...
 Быстро бросился назадъ;
 И, какъ злой преступникъ, мечетъ
 Вдоль чертога робкій взглядъ!

Не убійца-ль сокровенной.
 За Москву и за народъ,

Надъ стезею потаенной
 Самозванца стережетъ?...
 Вотъ къ окну оборотился;
 Вдругъ луны сребристый лучъ
 На чело къ нему скатился
 Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю? То хищникъ власти
 Лжедимитрій тамъ стоитъ;
 На лицѣ пылають страсти;
 Трепеща онъ говоритъ:
 «Тамъ въ чертогахъ кто-то бродить—
 Шорохъ—заскрипѣла дверь!...
 И вотъ призракъ чей-то входитъ...
 Это ты—Бориса дщерь!...»

«О, молю! избавь отъ взгляда...
 Укоризною горя,
 Онъ вселяетъ муки ада
 Въ грудь преступнаго царя!...
 Но исчезла у порога;—
 Это кто-жъ мелькнулъ и сталь,
 Притаясь въ углу чертога...
 Это Шуйской... Я проналъ!»...

Такъ страдалъ злодѣй коварной
 Въ часъ спокойствія въ Кремль;
 Проступалъ безперестанно
 Потъ холодный на челѣ.—
 «Не укроюсь я отъ ищенья!»—
 Онъ невнятно прошепталъ—
 «Для тирана нѣтъ спасенья;
 Другъ ему—одинъ кинжалъ!»

«На престолѣ, иль на ложѣ,
 Иль въ толпѣ на площади,
 Рано, поздно ли, но всё же
 Быть ему въ моей груди!
 Прекращу свой вѣкъ постылый;
 Мнѣ насучило страдать
 Во дворцѣ, какъ средь могилы,
 И убійцу наживать.»

Сталь нанесъ—она свергнула—
 И преступный задрожалъ,
 Смерть тирана ужаснула:
 Выпалъ поднятый кинжалъ.
 «Не настало еще время;»
 Простоналъ онъ—«но придетъ—

И несносно жизни бремя
Тяжкой ношею спадеть.»

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
«Что свершить рѣшился я?»
Онъ воскликнулъ ужаснувшись —
«Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра-жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой —
И встревоженную душу
Вновь порадуешь покой!»

«Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ римлянъ;
Грозной мезью гряну съ трона
Въ подозрительныхъ гражданъ.
И твоя падетъ на плахъ,
Буйный Шуйской, голова!
И дымясь въ крови и прахъ,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолеъ. — Преступныя надежды
Удалили страхъ — и онъ
Легъ на пышный одръ — и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица....

Побѣжалъ и зрить у входа:
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ,
Волны шумныя народа,
Ко дворцу стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали;
Храбрый Шуйскій впереди —
И сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

«Все погнбло нѣтъ спасенья,
Смерть прибѣжище одно!»
Рекъ тиранъ... еще мгновенье —
И бросается въ окно!
Палъ на камняхъ, и при стукахъ
Сабель, копей и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

Сообщ. П. А. Ифремовъ.